

18+

Антеру де Фигейреду
Обезумевшая от любви

«Издательские решения»

Антеру де Фигейреду

Обезумевшая от любви / Антеру де Фигейреду — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-511241-5

«Обезумевшая от любви» — один из первых романов португальского писателя Антеру де Фигейреду. Роман уникального формата: это роман в письмах. Но письма в одну сторону. Ответа на них нет. Это письма женщины, написанные автором-мужчиной, дающие ощущение абсолютной подлинности женского авторства. Сразу после выхода роман получил прекрасные отзывы и популярность, переиздавался десятки раз. Но стал последним светским романом Антеру де Фигейреду. Все следующие он писал в жанре католических романов.

ISBN 978-5-00-511241-5

© Антеру де Фигейреду
© Издательские решения

Содержание

Вместо предисловия	6
~	7
1 письмо	8
2 письмо	11
3 письмо	13
4 письмо	16
5 письмо	23
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Обезумевшая от любви Антеру де Фигейреду

Юлия Грязнова *Переводчик*

Юлия Грязнова *Иллюстратор*

© Антеру де Фигейреду, 2020

© Юлия Грязнова, перевод, 2020

© Юлия Грязнова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-0051-1241-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вместо предисловия

Отзыв на книгу «Doida de amor», написанный в 1910 году.

Сразу же после выхода книги «Doida de amor» португальский философ Тейшейра де Пашкуаеш написал редактору одного из журналов такое вот письмо:

Дорогой друг,

Да, я уже прочитал его чудесную книгу, но всё ещё чувствую и буду теперь чувствовать постоянно глубокое потрясение, которое произвело совершенное и живое произведение Мастера.

Наивысшие эмоции в наивысшем искусстве, вот что я нашел в «Doida de amor». Эту книгу невозможно забыть. Габриэла – сестра Марианны, Вирджинии, Офелии, Дидо и Джульетты, всех женщин, которые воплотили в себе в этом мире таинственную Силу, соединяющую тела человеческие и тела небесные!

Габриэла – это любовь чувственная, мучительная и неудовлетворённая.

Она – высший крик высшего молчания!

Не знаю, как передать тебе, мой дорогой друг, то грандиозное впечатление, которое на меня произвела эта фигура из «Doida de amor». Момент, когда она получает письма и видит! что они никогда не были распечатаны! – это одна из самых мучительно трагических вещей, которые я только могу себе представить! Это бессмертные страницы, они возносят их автора к величайшим и подлинным исследователям Жизни и Боли!

Это те страницы, которые огнём записываются в нашей памяти! А призрак обезумевшей от любви будет преследовать нас, как идея-фикс!

Прекрасная и восхитительная книга!

Горячие поздравления от крайне благодарного почитателя.

Teixeira de Pascoaes,

6 декабря 1910 г.

~

1 ПИСЬМО

22 января

действительно ли ты хочешь, мой бедный друг, сделать меня несчастной? Неужели ты не знаешь, что все эти дни я борюсь с собой, чтобы не сойти с ума и не убить сперва мою дочь, а потом и себя? Не знаешь, что иногда я теряю рассудок? Я не могу больше. Вот уже два месяца, как ты мне не написал ни слова; два месяца, как ты покинул меня. Я больна. Не держусь на ногах. Не могу даже плакать... Чтобы все это закончилось быстрее я перестала есть; но это смерть на медленном огне!.. Так как жизнь без твоей любви и с твоим презрением для меня более невыносима, чем тысячи смертей, предпочитаю умереть! если я до сих пор не покончила с собой, то лишь потому, что я помню о дочери, которая останется одна в этом мире. Если бы мне хватило смелости её убить или оставить, я бы это сделала немедленно!.. Я достигла предела. Ты, только ты, отвергнувший меня – ты виною всему, ты один! Ни одна женщина не будет сходиться с ума от любви, чтобы потом, как это сделал ты, отречься под предлогом, изобретенным отвратительными созданиями, сообщающими тебе по секрету низкие вещи, в которые ты, душа чистая и артистическая, поверил. О, я хочу прямых объяснений! Моё израненное сердце умеет мстить... Когда произносят такую ужасную клевету, её говорят перед обвиняемыми, чтобы они могли оправдаться. Ты не поступаешь так, и посылаешь третьих лиц оскорблять меня и говорить мне, что «меня всю мою жизнь будут мучить угрызения совести»! Если бы они у меня были, верь, не испытывала бы я их долго!.. и не только я бы их испытывала. Ты, да, ты должен их иметь, потому что ты меня убиваешь, крадешь меня у моего ребенка, который завтра останется без матери и практически без отца, так как Руи всегда или на корабле, или в заморских странах, и никогда не сможет он брать её с собой. Моя бедная девочка! О, у тебя нет сердца! *Дорогой Рауль:*

Возможно ли, чтобы ты был безразличен к таким страданиям? Возможно ли, чтобы ты был так недалёк, чтобы поверить всему тому, что тебе говорят люди, родственники и приятели этой ничтожной Маргариды де Союза? Я хочу знать все, что они тебе сказали. Всё! Я имею право требовать этого. Моя жизнь, которую я принесла тебе в жертву, даёт мне это право.

О, как ты меня злишь! Ну почему чувства столь сильные, столь огромные, столь чистые, столь благородные умирают, будучи отравленными? «Испытываю отвращение к тебе» – сказал ты мне в том ужасном письме два месяца назад, в котором потратил на меня всего лишь четыре слова. Четыре! Отвращение ко мне – к той, которая тебе отдала сердце и тело, невинное и полное нежности. И вот уже два месяца как ты мне не любишь; вот уже два месяца ты не отвечаешь на мои письма, вот уже два месяца как ты пренебрегаешь мной! Я не могу больше. Это всё мучает меня. Азеведу написал моей семье, что я была больна. Сегодня приходил сюда доктор Бритту, по поручению моего отца, который надоел мне своими намеками, огорчившими меня. Без мужа, без тебя, без кого бы то ни было, кто бы защитил меня – это было ужасно!

Ты не увезешь меня, как обещал, подальше отсюда, от всей этой грязи. Если бы ты это сделал, я бы не была вовлечена во всю грязь этого скандала. О, что мне наговорил доктор Бриту!.. Как он меня ранил! Все люди извлекают выгоду от моей агонии. Это гнусно. И ты поступаешь, как и другие: чем больше ты видишь, как я страдаю, тем больше ты заставляешь меня страдать. Ты будешь наказан. Преступление должно быть искуплено тем, кто его совершил, а я не заслужила этих мучений.

Когда думаю, что ты посмел сомневаться во мне!.. Твоя Габриэла тебе неверна! Все возмущается во мне. Какое зло ты мне причиняешь! Если ты мне и дальше не будешь писать, я уеду отсюда. Ты никогда меня больше не увидишь. Потом это быстро закончится – потом, когда я буду чувствовать себя вдали от тебя. Ты же не хочешь пожалеть меня? Однажды настанет день, когда никто не пожалеет тебя, и тогда ты вспомнишь о моей любви, увидишь то бесчестье,

которое меня убило – меня, которая всегда была так расположена к тебе, так расположена! Когда откроются твои глаза и увидят они непоправимое зло, тогда ты будешь страдать гораздо больше, чем я страдаю теперь. И если ты меня мучаешь сейчас, то потом ты будешь жить годы мучимый угрызениями совести, которые будут пожирать тебя минуту за минутой.

О, вспоминать о том, как ещё два месяца назад я была счастлива! У меня нет сил сопротивляться этим воспоминаниям. Думаю о том, чтобы любить тебя меньше..., думаю о смерти! Ничего не могу. Я слишком тебя любила. Это безумие превышает мои силы. Проклятая страсть! Чем больше я тебя хочу, тем больше я воодушевляюсь, тем больше я страдаю. Как бы я хотела возненавидеть тебя! Если бы я могла... Если бы я была «мерзкой» женщиной, как ты говоришь, не умирала бы я ни от стыда, ни от тоски, как умираю теперь. Человек скептический, ты не знаешь самых тяжелых страданий женского сердца, потому что у тебя нет сердца. Если бы оно у тебя было, оно бы тебе подсказало правду, и тогда бы ты почувствовал, как я страдаю. Но будь милосерден, подумай, что я не заслуживаю той боли, которую ты мне причиняешь. Буль милосерден...

Как бы я хотела увидеть тебя, мой Рауль! Рауль – имя сладкое, как мёд; имя, которое сжигает внутренности, как самый сильный яд. Рауль – песня радости; Рауль – колокольный звон по умершим! Рауль, мой Рауль, ответь твоей

Габриэле.

22 de Janeiro.

Querido Paul: - Na verdade, tu queres,
meu pobre amigo, fazer uma grande
desgraça? Não sabes que lito há
dias para cometer a loucura de matar
a minha filha e matar? Não sabes
que, por momento
posso mais. Há a
neste completo
seguro em pé.
isto acabou
mas é um mo
vide, sem o
me é mais
morrer! e
lembras
Tivesse
que es - um ins
soment tu - tu
tudo, e só! Não
amor, como tu
lis, sob pretexto
que te segred
alme line,
oh, mas eu
o meu coração ferido

o matar? Não sabes
arco a razão? Não
esses que me abando-
tu doente. Não me
o chorar... Para
não me alimento;
is!... Porque a
teu despeso,
mortes, prefiro
sigo, foi por me
só no mundo.
ou de a deixar,
i ao extremo. Tu,
- és o culpado de
mulher doída de
n seguida a repe-
testáveis coisaturas
fames, em que tu,
ta, acreditaste.
es directas! Só
desagraras-se.

2 письмо

25 января

Как страшно моё отчаяние. Я не могу потерять твою любовь. Я заплачу за неё своей жизнью!.. Люблю тебя любовью, которую ничто не разрушило. Люблю тебя сумасшедшей любовью. Хочу тебя. Не могу допустить, что ты меня не любишь. Не могу выдерживать твоё молчание, твоё отдаление, твоё презрение. Твоё пренебрежение смертельно для меня. Провожу ночи ужасно. Твой образ преследует меня со всех сторон. Вижу тебя во всём, слышу тебя везде.

Иногда твой голос звучит совсем рядом так явственно, как если бы ты был здесь, и я могла бы тебя видеть и слышать. Это мука. Это ад. Я одержима тобой. Ты живешь внутри меня. Ты – кинжал в моём сердце: каждый раз тыходишь всё глубже, каждый раз очаровываешь меня все больше. Я ложусь спать безумно уставшая, но провожу ночи в рыданиях, громко взывая к тебе, и крича, крича. Это ужасно. Я не сплю. Не ем. Пишу тебе, плача. Слёзы льются рекой. Больше не могу. Рауль, если ты мне не ответишь, я убью себя. *Рауль!*

Габриэла.

3 ПИСЬМО

27 января

Наконец я добралась до твоего мерзкого, подлого, отвратительного письма. Ты предатель. Все, что ты мне говоришь – фальшиво. Всё – ложь. Эти обвинения – я не заслуживаю их. Я отвергаю их. То, о чем тебе рассказали, и во что ты поверил – возмутительно и для тебя, и для меня. Не принимаю никаких обвинений, никаких. Я, которая любила тебя чистой любовью, любовью, которая была сильнее всего, сильнее всего, что есть в мире, что предпочла бы умереть, чем потерять тебя, наблюдаю, как ты обвиняешь меня в отвратительных качествах, о которых я даже не знала, что они существуют. Какой ужас... Ты не доверяешь мне, и никогда не доверял, и если взять твои и мои страдания – мои будут сильнее твоих, потому что на самом деле ты никогда не любил так, как я тебя люблю. Твои оскорбления унижительны, Рауль. Ты, всегда такой деликатный, столько раз создававший мой портрет поэтическими красками, о чем я не забуду никогда, впервые используешь для меня безобразные слова – грязные названия, которые пачкают и тебя... *Рауль!*

Ты оскорбляешь меня! Оскорбляешь твою Габриэлу, которую целовал дрожа, чтобы, по твоим же словам, «не разрушить совершенный рисунок моего рта, похожего на цветок гвоздики», чтобы не исчезла молочная эмаль белой камелии, с которой ты сравнивал мою кожу! Габриэла, твоя «русалка с детским слабым голосом, со светящимися зелеными глазами, окруженными чернотой, одухотворенными и откровенными», как и моя улыбка, которая обещала тебе всё...; твоя «русалка с ароматными каштановыми волосами, блестящими, спутанными, как любовные интриги», которыми ты играл; Габриэла – твоё «наслаждение миниатюрным и гибким телом», которое ты музыкально сравнивал с поворотом в вальсе... Я, для которой, говорил ты, изобретены духи, кружева и бархат, я, за которой ты следовал на улицах, чтобы видеть ритм моей походки, гармонию моих плеч, наклон моей хрупкой талии и моих роскошных бедер, «невывразимое изящество моих жестов», нежность моей шеи, моих белых запястий и моих рук «узких и маленьких, таких хрупких в пене кружев»; ты, который следовал за мною по улицам, чтобы видеть в восхищении «равновесие моей воздушной фигуры, несомой уверенными ногами, и слышать стук каблучков моих легких ботинок «Луи XV», надетых на шелковые чулки, делающих шиколотки гладкими, «как ноги серны», которые ты так любил! Габриэла, твоя сестра по духу, созданная из ласки, из поэзии, из романтизма!

Ты обвиняешь меня! Как я страдаю! Возможно, что обстоятельства против меня, я их не знаю, но правду ты не сможешь изменить. Если я и приняла Арналду тем вечером в своём доме, то лишь для того, чтобы избежать грандиозного скандала, так как я видела, что он возбужден и способен на всё. Предпочла принять его. Это было неправильно. Это был опрометчивый поступок, но я думала, что таким образом мне удастся избежать отвратительной сцены на глазах слуг, и главным образом, на глазах моей дорогой Марии, потому что она, ещё ребенок, не смогла бы понять ничего. И если я и дала денег служанкам Эмили и Розе, прося их, чтобы никому они не говорили, что Арналду был тем вечером здесь в доме, то сделала это для того, чтобы жена Арналду не узнала об этом; а также для того, чтобы спасти домашний очаг я говорила Оливии, что не было этой встречи с Арналду в Паласиу де Криштал, и уверяла её, что её муж ко мне всегда относился только с уважением. Делала это из лучших намерений, не желая скандала, который бы привел к несчастью Оливии, потому что несмотря ни на что, она любит своего мужа.

Ты осуждаешь меня за то, что я тебе не рассказала, что Арналду ухаживает за мной, говоришь, что мне следовало быть более откровенной с тобой. Как я могла быть такой, зная тебя, чрезмерно ранимого и безумно ревнивого? Да, я утаила от тебя это, прилагая тысячи усилий, чтобы ты ничего не заподозрил. Я никогда не забуду, как я страдала из-за Фернанду

де Алмедиа – из-за одного незначительного недоразумения, или, если хочешь, моей ребячливости, однако, ты не хочешь этого знать, я слишком импульсивна, опрометчива по природе, легкомысленна, слаба – старые недостатки, берущие начало с давних времен, от моей хрупкой природы, от моего сиротства, моего свободного образования, моего идеализма – одни недостатки природные, другие – приобретённые, от которых я не могу избавиться. И от которых так страдала!.. в тот день, когда ты перестал сердиться на меня (сколько раз я воображала, что моё счастье умерло навсегда!), в тот день я пообещала себе самой никогда не говорить тебе, что бы ни случилось, что кто-то ухаживает за мной. Я делала это для твоего спокойствия, для твоей полной безмятежности – чтобы ты не мучился, чтобы ты не страдал, только поэтому я скрывала всё от тебя, мой дорогой Рауль. Ты говоришь, что я «должна чувствовать угрызения совести из-за своей лжи». Нет, я их не чувствую: никогда не говорят ни мужу, ни такому ревнивому любовнику, что за нами кто-то ухаживает. Это не обман, это тайна. Всё, что я делала, делалось с лучшими намерениями. Если я сделала тебе больно, прошу тебя простить мне это. Но не обвиняй меня!.. Против этих оскорбительных слов всё во мне бунтует. Я не могу принять их. Они ложные. Никогда я тебе не изменяла. Клянусь здоровьем моей дочери, что люблю тебя безумно. Пусть не проживёт она и минуты, если я тебе изменила даже в мыслях. Клянусь тебе её счастьем. Клянусь тебе, клянусь тебе, клянусь тебе.

Та, которая тебя обожает,
Габриэла.

4 ПИСЬМО

4 февраля

Твоё новое письмо оскорбило меня ещё больше, чем первое! Ты мне говоришь, что это последний раз, когда ты мне пишешь, и что никогда больше не хочешь знать меня. Что я никогда тебя не наделяла высшим существованием (мой Бог, я никогда не думала ни о чем, кроме твоей души, и за неё тебя любила), и что теперь ты как любой мужчина, который любит женщину и узнает, что ему изменили. – «В этом отношении я – лишь инстинкт. Не размышляю. Инстинкты не размышляют. Моя ревность (дикая, если хочешь) – материальна, абсолютно материальна: вижу тебя в объятиях другого. Сегодня между мной и тобой существует мужчина, и поэтому всё кончено между нами» – Это слова ненависти, Боже святой! «Хотел бы вырвать тебе глаза, расцарапать лицо, пометить твой лоб раскаленным железом». Какой ужас! «Никогда тебя не прощу». – говоришь ты и затем пишешь мне слова, которые не хочется повторять, оскорбления, о которых я не хочу даже думать. Хватаюсь за голову! Мой Бог, Мой Бог! Так, Рауль, ты меня понимаешь, так ты принижает самое священное, что может сделать женская душа! Ты говоришь: «Благороднее признаться в преступлениях и просить прощения за них, чем придумывать абсурдные оправдания, в которые могут поверить только дураки». И что мои ложные выгоды наполняют тебя «отвращением и омерзением» по отношению ко мне. Ты пишешь ещё: пишешь, что тебе рассказали явные свидетельства того моего «рандеву» с Арналду. Несмотря на подробности, которые ты мне представил в качестве серьезных доказательств, хочу тебе сказать, что ты плохо осведомлён, и что ты обманываешься. Но в прошлом письме ты призывал меня к абсолютной искренности. Хорошо, я буду искренна. Верю в то, что твой ум, высота твоего духа, твой характер, смогут оценить справедливо то, что я сделала, и то, что произошло. Я начинаю исповедь. Перед Господом я бы не сделала большего. Если я поступила плохо, то надеюсь, что ты меня простишь, видя мои хорошие намерения и то, как сильно я тебя люблю. Я клялась тебе именем моей обожаемой дочери, что никогда не была тебе неверна, что никогда не переставала тебя любить. Повторяю эту клятву: никогда я тебя не обманывала, если обманывать означает забыть того, кого ты любишь и отдать другому по доброй воле какую-либо часть, пусть даже самую маленькую, своего сердца, своей души, своего тела. *Рауль!*

Уже шесть лет прошло с тех пор, как я, будучи ещё ребенком, вышла замуж (меня выдали замуж), и я все это время перехожу от отчаяния к отчаянию: всё, что я делаю, даже с лучшими намерениями, приносит мне одни несчастья. Я не «кокетка», хотя и чувствуется во мне большое желание нравиться. Моя мечта – жить жизнью спокойной и приятной с любимым существом, посвящать себя лишь ему, только ему и моей Марии, живя совершенной семьёй. Я никогда не жила в семье! Родители моего мужа – выродившиеся дворяне с распутными привычками, которые рассказывали за моим обеденным столом вольные истории со всем «грязным бельём», стремились приводить в мой дом своих любовников – известных порочных созданий из высокого общества Лиссабона. Мой муж, воспитанный в той же манере и думающий также, как и они, не был терпим лишь к своим братьям, не стал ждать, чтобы прошел хотя бы год с нашего бракосочетания, связавшись с заурядной испанкой, которую подобрал на ярмарке в Севилье, поселил её в Лиссабоне на той же улице, на которой жила я, почти напротив моих окон; когда мы уезжали в деревню в Торреш, проводил время с крестьянками; а сейчас уже больше года живет в Лоуренсо Маркеш с одной француженкой, совершенно не скрываясь, как если бы был женат на ней. Почему я пыталась его полюбить (о, эти иллюзии!), почему у меня есть дочь? Я пыталась в течение нескольких лет всеми силами защитить наш очаг, спасти мою любовь во что бы то ни стало. Но ничего не получилось. Ты знаешь, я рассказывала тебе несколько раз всё, что произошло. Мы стали жить отдельно; и мой муж под предлогом

деловых поручений уехал в Африку, а я вернулась в Порту, чтобы быть подальше от семьи Руи, которая меня не любила, а также, чтобы быть ближе к моей дорогой Амброзинье Торресау, которая рассчитывала вернуться этой зимой и поселиться в Фож, но так и не приехала. Я приехала в Порту опечаленная... Я жаждала мира и любви. Так было, когда я тебя встретила. Я уже знала твоё имя, мне говорили о тебе... и о твоих приключениях! Увидела и услышала тебя в первый раз на благотворительном концерте в театре Жилия Висенте: ты играл Шопена, Шумана и Листа. Я была очарована сразу же твоей осанкой, твоей выразительной бледностью, твоими темными глазами, то меланхоличными, то улыбающимися, твоим тонким ртом, мягкими волосами, романтизмом твоей души, открывающейся при интерпретации этих романтических композиторов. Меня переполнила нежность... Ты заговорил со мной. Твои глаза были проникнуты любовными намёками. Ты растрожил меня. Я ощущала все своё легкое бытие в этих романтических иллюзиях моих восемнадцати лет! Я уже принадлежала тебе... И знание того, что ты, как и я, испытал разочарования стало ещё одним притяжением для моего духа, который по этой причине ещё больше доверился тебе. Ты овладел моей израненной душой. Но и твоя была расстроена: ты только что расстался с этой Маргаридой де Соуза, почти твоей невестой – никогда я не встречала ни в одном создании более холодной крови, такой незначительной и неприятной она мне показалась. Как могла эта мещанка из Матозиньюш понять и полюбить тебя? Невозможно! И ты понял это с самых наших первых тайных встреч, с наших первых поцелуев, наших первых занятий любовью; рядом со мной ты скоро забыл её.¹

В конце того мая была наша свадьба! Сразу же, как только я с тобой встретила, в первый раз в жизни я почувствовала себя замужем навсегда. Я была так счастлива, что даже печалилась. Я стыдилась и страшилась своего удовольствия. О, человеческое сердце слишком слабо, чтобы быть счастливым!.. В некоторые мгновения, когда я забывала свою прошлую жизнь рядом с тобой, какой-то внутренний голос говорил мне: «Заплатишь дорого за это счастье!..» Были предчувствия, была тень на моей радости... Но доверчивая, введенная в заблуждение, не сделавшая ничего дурного (разве это дурно – любить тебя?), я ждала тем не менее счастья!

Этим летом, как ты знаешь, я поехала в Фож с женой Арналду Рейша, про которого все говорили, что он лучший друг моего мужа. Это была всего лишь легенда, как любая другая. Их отношения были далеки даже от простого уважения, Арналду давно затаил злобу на Руи, то была давняя неприязнь к товарищу, который его во всем обгонял, раздражение, неприязнь, которую удавалось скрыть ото всех, кроме меня, которая его знала ещё студентом, кроме меня, кого он в то время сделал доверенным лицом. Ещё с подготовительных занятий Арналду и Руи жили близко с моим братом Эдуарду, который в Лиссабоне принимал их на первом этаже нашего дома в Энтре-Муруш, и они вместе делали уроки; а когда моя несчастная мать покончила с собой, она была с Люсией, сестрой Арналду, так как я в то время во Франции заканчивала своё образование. Именно там я познакомилась с моими дорогими Сюзанной де Манервилле и Амброзиной Райнолш, моими лучшими подругами, о которых я тебе уже рассказывала. На Амброзине хотел чуть позже жениться мой брат Эдуарду, но в последний момент мой отец резко воспротивился этому браку, когда в Лиссабоне узнал о банкротстве дома Райнолшей. Отец отправил брата в Бразилию. Брат впал в глубокую меланхолию. Он очень страдал. Там и умер. А Амброзина позднее вышла замуж за банкира Луиша Торресау. О чем мы втроём мечтали в этом колледже Сакре-Кёр и во время каникул в замке Манервиль! Мы читали всё, что попадалось нам на глаза, или что тайным образом попадало нам в руки, проводя целые ночи, поглощенные книгой. Я обожала литературу. Изучала письма, написанные в манере Аббата Прево, которые переводила. Поглощала Камилу. Прочла всего Д'Аннунцио. У меня были в пергаментном переплёте «Письма» Марианны Сорор и Мадмуазель де Лешпинассе. Любила Бодлера и знала наизусть Альфреда де Мюссе. Всё это чтение вызвало во мне

---

¹ Старое название Мапуту, столицы Мозамбика

мучительную жажду любви, жадный аппетит к романтическим приключениям! Меня снедала потребность в этом идеале! Только любовь могла бы сделать меня счастливой. О, сколько проектов! Сколько иллюзий! Сюзана и Амброзина посвящали себя живописи, а я исключительно фортепьяно. Наши искусства проникали в нас. Амброзина была смуглой, с черными волосами и влажными глазами. Но, в противоположность нам, была всегда благоразумной и спокойной. Хотя в душе мы были одинаковы: романтические и только романтические. Амброзина среди нас единственная была счастлива...

Когда я вернулась после месяца пребывания в Луаре, в замке Графини де Манервиль (где проводила каникулы с моей дорогой Сюзаной, уже разведенной), когда вернулась, больше парижанка, чем португалка в своих туалетах и в манерах, Арналду и Руи уже закончили свой курс в морской школе, и тем летом в Кашкайше оба ухаживали за мной, оба, не зная намерений друг друга, хотели жениться на мне. Арналду ухаживал робко, поэтому я его практически не замечала; Руи пылко, он сразу мне сказал и написал о своих чувствах. Мне симпатизировала его решительность. Он представлял собой тип прекрасного мужчины: высокий, смуглый, большие черные усы, распахнутые тёмные и ласковые глаза. Я идеализировала его как мужа, но мой внезапный энтузиазм скоро угас... Однако мой отец (судья в Лиссабоне) помог случиться этому браку, склонив меня к этому, потому что Руи был дворянином и был богат. Так Руи в очередной раз победил нерешительного Арналду, который в начале своей академической карьеры и своей социальной жизни всегда видел рядом с собой победы Руи, оказываясь вторым. Арналду в раздражении женился сразу следом за Руи, но женился неудачно. Оливия была холодной, испорченной, мелочной – всегда капризная и кичливая единственная дочь, и типичное лиссабонское дитя.

Понадобилось три года в Лиссабоне, прежде чем я догадалась, что Арналду не оставил своих притязаний на меня, он набрался смелости сказать мне об этом во время антракта в театре «Дона Мария», в тот момент, когда Оливия и Руи вышли, а мы остались одни в ложе; он набрался смелости сказать мне с глазами, полными слёз и злобой в голосе, что во всех своих несчастьях он винит Руи, что он ускорил его неудачный брак, и дополнил, видя в моих изумленных глазах непонимание связи всех этих фактов:

– Потому что я любил тебя, Габриэла, и сейчас люблю!

Я была удивлена! Руи вошёл в ложу. А я стала думать о любви Арналду. Бедный!... Мне было жаль его. Очень жаль. Он любил меня!... Но это было три года назад. После той ночи я всегда избегала его. Они проводили много времени за границей, вот уже два года как мы, я и мой муж, стали крёстными его второй дочери, которую называли Габриэла. Я понимала, что это было неправильно. Но ничего не боялась, даже когда его видела во время его частых визитах в то лето, окружала любезностью его и его жену, которые, как ты знаешь, так этого искали у меня. Оливия, которую я до этого знала очень мало, сблизилась со мной, так мной восхищалась, что и она мне искренне начала нравиться. Мы проводили много времени вместе. Много раз ужинали с ними в Фож; они много раз ужинали со мной на улице Принсипе; я совершала прогулки вечерами в Каррейруш с Арналду и Оливией, и несколько раз (мне кажется, что два), когда я задерживалась чуть дольше в Фож, Арналду меня сопровождал, поздним вечером на трамвае до Седофейты, а потом пешком до двери моего дома. Его разговоры всегда были любезными, он казался дружелюбным, назывался моим другом. Я неосторожно доверила ему некоторые секреты, связанные с моим мужем... я не говорила ему, что люблю тебя, но хвалила тебя. Говорила ему и о Фернанду де Алмедиа, уверяла его, что ничего, абсолютно ничего не было между нами, и просила, чтобы, если Арналду встретит в Африке моего мужа, чтобы он попытался разрушить неверное его впечатление в этом отношении, если до него дойдут подобные слухи. В этих разговорах, признаюсь, я была слишком искренней; признаюсь, что была кокетлива, даже очень (во Франции меня научили нравиться!..) для того, чтобы заставить его говорить не только обо мне, о семье моего мужа или об этом унылом Фернанду де Алмедиа,

но была кокетлива, главным образом, для того, чтобы выведать, что он знает и думает о нас, и чтобы расположить его к тому, чтобы он нас защищал в случае, если это понадобится. Я была чрезмерно любезна, вкрадчива, притягательна для него. Я поступала плохо! Я улыбалась с излишним чувством, смотрела на него слишком глубоким взором, шутила неосторожно... Было ли в этом немного тщеславия? Возможно, но на что я действительно рассчитывала, так это на то, что я удержу его, заставлю его служить мне. Однажды он договорился со мной (ты уехал в Коимбру давать концерт) встретиться – я, он и его жена – в Паласиу де Криштал, чтобы позавтракать, а потом спуститься на улицу Са да Бандейра, сделать необходимые Оливии покупки. А потом бы вернулись в Фож через улицу Рештаурасау. Я ждала их в конце Авениды Централ на скамейке и была удивлена, увидев его одного, но он объяснил мне, что жена внезапно не смогла прийти на встречу. Мне внезапно стало скучно, но тут же я вдруг подумала, что это могла бы быть специальная стратегия Арналду! Вместо того, чтобы уйти, я была не очень осмотрительна и даже хуже: я согласилась пересечь на более отдалённую скамейку, чтобы не встречаться с людьми, которых знал Арналду. Мы разговаривали, сидя на этой скамейке, и каково было моё удивление, когда я поняла, что Арналду использует это пустынную улицу и этот уединённый угол для того, чтобы высказать мне свои пылкие уверения в огромной любви ко мне. Как могла, я прервала этот разговор. Арналду хотел проводить меня до дома, и по дороге продолжал упорствовать в своих излияниях, рассказывая мне откровенно о своих приключениях, совершённых без любви, в которых он пытался забыться и отвлечься от своей страсти ко мне. Так с этого дня начались его постоянные преследования. Он писал мне, говорил со мной, приносил цветы. Именно в это время он сделался твоим хорошим другом. Я знаю, что должны была предупредить тебя, очень хорошо понимаю это... Признаю это теперь... Но я не хотела тревожить тебя... Что бы ты сделал, если бы узнал? Мой Бог!.. Кроме того, я была так уверена в себе и была так тверда в моей любви! Чего я не знала, так это того, что он следил за мной, за тобой, подкупал моих слуг – тех, кого я имела неосмотрительность уволить (кто не испытывает чувства долга, не боится) и которые были готовы быть подкупленными, не только чтобы отомстить, но для того, чтобы они больше не могли разговаривать с Арналду, который в это время уже давно должен был быть в Лоуренсу Маркеш. В конце концов, в один вечер (я вечером ужинала в их доме, в Фож – это был прощальный ужин, через несколько дней он отправлялся в Лиссабон, а оттуда отплывал в Африку), итак, этим вечером (ты был в Мадриде) Арналду нашел возможность сообщить мне через служанку, что хочет мне сказать лишь пару слов на прощание. Я как раз закончила одеваться к ужину. Я не хотела его принимать. Я боялась! Попросила его подождать в зале. Это было крайне неблагоразумно... Арналду был очень возбуждён. Когда я вошла, он сидел, закрыв лицо руками, потом стал пристально и очень странно смотреть на меня. В его взгляде была злоба и боль. Он сказал мне, что пришел проститься один раз и навсегда (он подчеркнул это «навсегда») и не намерен больше ни встречаться со мной, ни разговаривать. Он был очень бледен. У него дрожали руки, дрожал голос. Он сказал, что выдумал предлог, чтобы пораньше уехать в Африку, но, если я прикажу, он не уедет; что мне достаточно одного слова, одного жеста, и он останется. И в экзальтированных рыданиях клялся мне, что его любовь была для него наваждением каждый миг, что он больше не может жить так, и что он готов оставить жену и детей, если я соглашусь бежать с ним. Что он мечтает обо мне. Что он сходит с ума от меня. Что я была его первой и единственной любовью в жизни. Что он испытывал страшные страдания. Он говорил о моём муже со злобой, а о тебе с ревнивой ненавистью. Я уверяла его, что ничего не может быть между мной и им. Он ожесточённо протестовал, говоря, что даже если ничего и не было, я уступлю столь грандиозной любви, столь сильной страсти, которая длится ещё со студенческих времён, потому что я сама ему сказала, и это было известно всем, что я и Руи живём очень плохо, находясь по большей части каждый в своём доме; и после этого начал разговаривать о тебе. Я настаивала, что ничего, ничего не могло быть. И тогда он вынул папку с письмами, на которых

я немедленно узнала свой почерк: это было два письма к тебе, перехваченных и выкупленных у моей служанки Эмили, те письма, исчезновение которых нас так заботило. Он начал читать одно из них: это был ужасный компромат! Я была переполнена ненавистью, тысячу раз назвала его предателем, предателем, предателем! Просила его отдать мне эти письма. Он отказал. Сказал, что ни за что не отдаст их мне, но что когда-нибудь в Африке он найдет средство передать их в руки моего мужа, тогда расквитается с Руи за свою неудачную судьбу, за свой несчастливый брак, за моральный ад, в котором он жил.

– О! И тогда я нанесу ему удар в самое сердце! – сказал он.

Я рассмеялась. Какое мне дело до моего мужа! Что он может мне сделать? Ударить меня? Но он далеко! Убить меня? Он на это неспособен, несмотря на всю свою силу. Выгнать меня? У меня было достаточно состояния, чтобы не считаться с ним. Чего бы я хотела, то по правде говоря, только одного: чтобы он никогда меня больше не беспокоил.

Но Арналду, мстительный и спокойный, сказал мне:

– Он будет настаивать на разводе.

Я была к этому готова:

– Это именно то, чего я хочу очень.

– Почему же ты этого не сделала?

– Мне мешали приличия... ложные. Но теперь всё кончено.

– Ты не имеешь права...

– Я не имею права быть счастливой?! Я хочу быть счастлива.

– Руи потребует развода... по причине измены, – сказал Арналду – пристально глядя на меня и медленно проговаривая слова.

– Какая разница! Я хочу только свободы.

– Но Руи заберёт дочь.

– Мою Марию?

– Да.

– Это невозможно!

– Возможно.

– Ты лжёшь.

– Нет, не лгу.

– Нет, это неправда, это неправда, это невозможно! Никто не может забрать мою дочь.

Ни у кого нет на это права. Я мать.

– Да, ты мать, но... У Руи есть право...

– На что? Украсть у меня мою Марию?

– На всё.

– И я должна буду расстаться со своей дочерью?

– Навсегда.

Арналду настаивал, и он так меня убедил, а точнее оглушил, что я приняла возможность того, что у меня отберут мою дочь.

И тогда, мой Рауль, я полностью потеряла голову. Моя дочь, моя дочь! Как я могла расстаться с моей дорогой Марией? Как я могла прожить хотя бы минуту без неё? Как? Это был ужасный момент. Мария, вдали, одна, абсолютно одна в мире. Арналду смотрел на меня с бешенством и желанием. На его губах и в его глазах было странное выражение: казалось, что мои слёзы и моё отчаяние его возбуждают... Я умоляла его отдать письма, он умолял о любви; лепетал об этом, как об условии... и горящими глазами съедал меня. Я же чувствовала к нему смертельное отвращение и омерзение, но тут же безумный ужас охлаждал и сковывал меня. Мой рот был холоден, меня душила слепая ненависть, я что-то говорила, но в то же время свинцовый шар поднимался от желудка к горлу – в то время как во мне поднималось дьявольское желание расцарапать ему лицо, вырвать глаза, вырвать язык! Арналду выкрикивал мне

хрипло слова страсти, совершал беспорядочные движения, а его руки хотели меня обнять, взять. Я оттолкнула его в ужасе, стиснутая им, и невиданный стыд возник во мне: я чувствовала, как он поднимается к лицу, как краснеют мои глаза, лицо, как растекается стыд по лицу, становясь явным, и я, прижавшись к стене, с остановившимся взором, закрылась, скрестив руки. За секунду в моей голове промелькнули тысячи противоречивых и мучительных мыслей: о чем могли бы рассказать эти письма? А Руи? Что бы он мог подумать? Что сделать? А мой отец, если бы узнал? Мой Бог! Какое удовольствие для семьи Руи!... А моя Мария, моя дорогая дочь? Я могу потерять дочь? Какой ужас! Какое несчастье! Какой ад! В этот момент я хотела бы провалиться сквозь землю, исчезнуть, умереть! Огромная усталость навалилась на меня, лишила меня сил, уничтожила моё тело и душу вместе с желанием упасть на землю, свернуться калачиком и дожидаться, когда всё пройдет и раздавит меня!.. Я больше не могла. Но тут же ярость встряхнула мои нервы, моя душа возопила. И я, пристально глядя на Арналду, подумала, что убью его. Он смотрел на меня не мигая, возбуждаясь от моего гнева. Мне показалось, что он вырос. Он казался мне огромным. Мне было страшно! Я ничего не могла против него сделать. Победенная, я попыталась нечеловеческими усилиями заглушить свою ненависть и сказала ему с мольбой:

– Арналду, не делай меня несчастной! И в мольбе протянула к нему руки.

– Я тоже много страдаю, – ответил он мне, слегка смягчившись.

Так, протянув руки к Арналду, я умоляла его, плача, улыбаясь, нежная и ласковая:

– Мой дорогой Арналду, если ты мне друг, отдай мне эти письма, и, энергично обольщая его, вложила всё в мои лучшие взгляды, в мои лучшие улыбки, в мои лучшие жесты, в мои лучшие ласки. Он спорил, я настаивала, с каждым разом всё более нежно, более вкрадчиво, более умоляюще; вот уже мои пальцы перебирали его волосы, мои слёзы увлажняли его лицо, мой рот касался его лба с поцелуями из улыбок и боли. В какой-то момент Арналду, взволнованный, побеждённый, сунул руку в карман, вынул письма и, дрожа, вручил их мне. Какой радостью зажглись мои глаза и нетерпеливо, нервно, жестом утопленника я поспешно спрятала их у себя на груди. Я задыхалась, и ещё не уверенная в победе, с сдавленным горлом, затрудненным дыханием, продолжала смеяться, плакать, радоваться, целовать его благодарно, благочестиво, не понимая, что я делаю, потеряв разум от радости, что мои драгоценные письма снова со мной, я прижимала их к груди, как если бы это была моя дочь, моя свобода, спасение нашей любви!

Я сейчас не могу восстановить всё, что тогда происходило, не могу связать всё, что делала и говорила. Я была в полном изнеможении, у меня подкашивались ноги, я чувствовала себя разбитой, растоптанной, усталой.

Арналду говорил мне слова любви, множество, потоки слов! Мои ослабевшие чувства не реагировали, оглушенная, я не понимала этих слов. В моей голове звонили тысячи колоколов; и сквозь всю путаницу мыслей, одна идея была постоянной, чёткой, ясной, сильной: моя дочь! И эта идея наполняла мою душу радостью, музыкой, солнцем, озаряла меня поглощающим удовольствием, в бесконечном состоянии удовлетворения, глубоко внутреннем, утешительном, религиозном, которое я не могу выразить, про которое не могу сказать, какое оно было... и я улыбалась про себя, и закрыв глаза, вдыхала запах духов; и уставшая до крайности чувствовала, что теряю сознание, падаю в обморок, захваченная этой идеей и сильнейшей усталостью, которая убивала меня. Я прилегла на диван. Потеряла ли я сознание? Я не помню. Внезапно я очнулась. Арналду обнимал меня, обвинял меня... Я поняла всё. Вскочила. На моём лице был ужас. Я оттолкнула его. Упала. Когда пришла в себя, я была на своей кровати, рядом была служанка Эмилия, у изголовья доктор Гонсалвеш, старый друг, который мне говорил добрым голосом, улыбаясь одними глазами:

– Это нервы, это нервы...

Вот что произошло, мой Рауль! Теперь суди меня, осуждай меня, делай, что хочешь,
но верь мне: я твоя, только твоя, вся твоя

Габриэла.

5 ПИСЬМО

8 февраля

, ты не отвечаешь мне потому, что ты мне не веришь. Но веришь анонимным письмам, слугам, свидетельствам соседей, козням этих девушек из Матозиньюш, слухам, тому, что «говорят все», «проверенным известиям» – веришь всему и всем, кого Дьявол выдвигает против меня, а не в то, что я говорю тебе, и не в то, в чём я тебе клялась священной головкой моей дочери, моей дорогой Марии! Да, ты скептик, ты устал от женской лжи (Бог знает, как твои приключения способствовали моему обольщению!..), пожимаешь плечами перед священными клятвами, сказанными со всей искренностью, со всей преданностью, со всем безумием, которое заполняет моё влюблённое сердце, которое умирает; а ты пожимаешь плечами, прибавляя меня к тем многим, которые тебя обманывали, и не видишь, как я отличаюсь от них – что я – редкое исключение, что я – как никто! Я не лгу тебе, Рауль! Тебе достаточно было бы увидеть меня, чтобы убедиться, что я говорю правду. Я очень больна! Это потрясение сильнее меня. Я так слаба, что не могу подняться с постели!.. Хотелось бы мне отомстить тебе, потому что я крайне рассержена на то, что ты подвергаешь сомнению мою верность тебе. Я хотела убить тебя. Я вся дрожу, думая о том, какое зло я хотела бы тебе причинить. Как мы теряем голову, когда влюблены! Но ты не любишь меня достаточно для того, чтобы причинить мне зло, не так ли? Но я даже в эти минуты адской злобы не переставала тебя любить, Рауль, хотя любовь и возбуждала мою ненависть! Как моё чувствительное сердце страдало от твоих первых подозрений. Иногда я думала, что ты меня никогда больше не будешь любить! И была в глубоком отчаянии, что чувствую себя твоей, только твоей!.. *Дорогой*

Нашу любовь разрушили чужие интриги. Теперь я понимаю – это моя несчастная судьба, мой печальный удел, который меня преследует. Ничего не могу сделать с этим. Чем больше я борюсь, тем более меня сопровождают несчастья. Это ужасно! Я не выдержала. Но так не будет дальше. Мне нужно отомстить. Те, кто сегодня используют моё положение, должны искупить то зло, которое мне причинили. Я плохая? Я себя не узнаю, но я буду плохой! Оливия узнает, каков её муж. Я расскажу её все тайны, которые Арналду мне доверил. Она всё узнает, всё! Она ужасно ревнива, но думает, что он благороден. Но я назову ей имена любовниц её мужа (одна из них – её лучшая подруга), и это будет её позором. Я отомщу, я отомщу!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.